

13

Ульяна Соболева

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Боль в его глазах

18+

Черные Вороны

Ульяна Соболева

**Черные вороны 13.
Боль в его глазах**

«Ульяна Соболева»

2023

Соболева У.

Черные вороны 13. Боль в его глазах / У. Соболева — «Ульяна Соболева», 2023 — (Черные Вороны)

Все же я его не знала. Зверь возродился, и в этом безжалостном, кровожадном чудовище я с трудом угадывала того, кто так безумно любил меня и наших детей когда-то. Или намеренно, или случайно, но Максим поставил меня перед страшным выбором... И я выбрала. А у каждого выбора есть последствия. У моего они станут необратимыми для всех нас. Мне впервые в жизни так страшно... Я боюсь этого Зверя. Боюсь того, кем он стал. Я лишь могу надеяться, что умру раньше, чем возненавижу его... Умру, все еще любя, а не проклиная. РИМЕЙК ЛЗГ. История Даши и Максима. Альтернативная современность. Автор чудит.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ульяна Соболева

Черные вороны 13. Боль в его глазах

Глава 1

Я очень плохо помню, что происходило последние несколько часов после того, как позвонил Радич. Какими-то урывками все. Как в кошмарных снах, когда из-за панического страха не помнишь ничего, потому что мозг блокирует каждое воспоминание, чтобы пощадить разум. Все оборвалось на том моменте, когда я ответила на звонок, я даже не почувствовала, что в этот момент была на волосок от срыва в пекло...Вспоминая, анализируя все, что произошло в эти дни, я буду думать о том, как Максим схватил меня за руку, теряя все самообладание...и лишь потом я пойму почему. Есть вещи, которые не исправить, есть слова, которые уже не вернуть обратно. Иногда не стоит их произносить, даже если тебя разрывает от боли...потому что может быть, тебе их и простят, но никогда не забудут и, возможно, однажды тебя придавит ими, как каменной могильной плитой, и на ней сверху будут выбиты именно эти слова... как цитата прощания с мертвецом. Но я не задумывалась об этом тогда. Не задумывалась, что сбросила нас обоих с обрыва и что механизм разрушения уже запущен, даже если мне сейчас кажется, что это не так.

Я помню, как Максим рывком прижал меня к себе. Помню как мы оказались у места покушения, где-то на окружной дороге...помню машину Фаины, изрешеченную пулями, и фургоны наших людей и полиции, оцепившие территорию, чтобы папарацци не могли сунуться, пока они не закончат свою работу.

Как сквозь туман видела Максима, расталкивающего полицейских, срывающего ленту, и себя, словно со стороны, с немим воплем бросившуюся к Марику, который тут же кинулся нам навстречу, вырываясь из объятий Радича. Подхватила его на руки, лихорадочно целуя лицо, глядя волосы, не в силах унять дикое сердцебиение и невероятную дрожь во всем теле. Живой мой мальчик. Мне самой кажется, что я за эти мгновения успела умереть тысячу раз и ни разу не воскреснуть. Страх за жизнь детей затмевает все: любую боль, любое отчаяние и выходит на первое место, делая все остальное ничтожным и таким незначительным. Но где-то внутри сработало это понимание, что и Максим в ту секунду, как я произнесла пересохшими губами о покушении на детей, забыл, что хотел разорвать меня на куски.

Увидела, как мой муж бросился к Фаине, стоящей на коленях возле машины с другой стороны, и новый круг хаоса, сразу в дыру черную, в воронку, с надсадным стоном, глядя застывшим взглядом на белоснежный ботинок Таи с каплями крови на нем. Грудную клетку разрывает от немого вопля. Максим рядом с нашей девочкой на земле, ее голова у него на коленях, и его трясет так же, как и меня. Ее голос...такой тихий, такой хриплый, полусует сердце, как лезвием, настолько сильно, что я корчусь от боли и страха. Самого примитивного ужаса, который только может испытать мать.

– Папа...папочка...страшно. Мне страшно.

И его сильнее тряссти начинает, пальцами окровавленными ее волосы с лица убирает.

– Все хорошо будет, моя принцесса. Не надо бояться. Это царапина. Мы сейчас тебя в клинику отвезем. Посмотри на меня. Ты мне веришь?

Она глаза прикрывает. А я вижу пятно у нее на боку

– Мамаааа...– взгляд на меня перевела, а я в каком-то оцепенении только на раны ее смотрю и дышать не могу. Ни одного вдоха. Легкие не работают, как и сердце. На Максима

глаза подняла, а у него от напряжения пот по вискам катится и вена на горле пульсируют. Еще секунда, и он заорет. Руку ему на плечо инстинктивно, сильно сжимая пальцы и наклоняясь над Таем еще ниже, вглядываясь в искаженные болью черты лица.

– Она Марика собой закрыла...а я...я за рулем. Не успела. Но мы успеем. В клинике уже ждут.

Голос Фаины сквозь рваную вату. Срывается на всхлипы. Я ее даже не слышала, я смотрела в глаза своей дочери и видела, как их затащило пленкой страдания и надвигающегося беспомощства.

«Девочка моя, маленькая моя. Мы сейчас...сейчас»...

– Сейчас, маленькая, сейчас, моя хорошая, – слезы в глазах пекут, и я глотаю их. Потому что невыносимо смотреть на ее посеревшее личико и полуприкрытые глаза.

– Дыши...на меня смотри. Мне в глаза. Давай, милая. Слышишь. На меня смотри, Тая. Мы уже едем. Летим. Вертолет здесь.

И она отрицательно головой еле-еле, а я наклонилась еще ниже, глаза в глаза.

– Операция прошла успешно. Пулю извлекли. Девочка будет жить. Состояние стабильное. Пока что к ней нельзя.

Умничка моя. Вот так. А саму шатать начинает.

– Даша...ты как?

– Хорошо, со мной все хорошо, – вытирая тыльной стороной ладони кровь моей дочери и чувствуя слабость во всем теле. немеют руки и ноги. Голова разрывается изнутри с такой силой, что я смотреть не могу.

Фаина помогает присесть на топчан, придерживая за плечи

Я все еще слышу сквозь шум в висках грохот вращающихся лопастей вертолета, который забрал нас всех с дороги. Попыталась выпрямиться, но ноги подогнулись, и я схватилась за голову, от резкого приступа дикой боли потемнело перед глазами. Тут же руки отняла – ладони в крови. Она из носа течет. Все завертелось, и я начала падать, оседать на пол.

Тут же почувствовала, как подхватили на руки, и я знала кто. Я бы его объятия среди тысячи узнала, даже если бы чувствовать разучилась...только сил глаза открыть не осталось. К себе рывком прижал, пальцами в волосы зарываясь, и я вдруг поняла, что мне стало спокойно. Вот так на руках у него. Такое уже привычное спокойствие, и я не хотела ни о чем думать, впитывая каждой порой это ощущение. Его дьявольскую энергию, его силу, которую чувствовала на ментальном уровне, как и раньше. С ним никогда не страшно...даже умирать. А без него...без него невыносимо страшно жить.

В этот раз меня долго не покидала эта тьма и холод. Они сковали все тело, как ледяным цементом, сдавливали обручами по спирали от ног к голове.

Иногда становилось легче, и я дышала полной грудью. А иногда казалось, я не могу даже моргнуть, такая тяжесть внутри. Только одно оставалось неизменным...я чувствовала присутствие Максима рядом. Не слышала, не видела. Я его чувствовала. Через холод и темноту. Пока не начала именно ощущать горячие пальцы на своих запястьях, а затем и различать их голоса совсем рядом.

– Ей лучше. Это из-за стресса. Очень испугалась.

– Что это значит? Какого хрена ей так плохо?

– Надо сделать обследование. Но я не думаю, что это что-то серьезное. Просто стресс и шок. Очень испугалась за дочь.

Злое тихое рычание, а у меня легкая дрожь по всему телу. Он говорит, и онемение начинает отступать, словно тепло под кожу проникает. Очень медленно, вкрадчиво. Паутиной огня по плотному кокону льда. Это беспокойство, разрывающее мою упрямую уверенность и тающее под ним недоверие.

Пальцы Максима сжали мои, и паутина стала горячее, просачивается внутрь, согревает. Как и всегда, когда он рядом. Словно держит и тянет к себе, не давая погружаться во тьму. И я не знаю – это я так реагирую на него, или это он не дает мне уйти в себя. И хочется, чтоб не отпускал, чтоб не разжимал пальцы. У меня такое чувство, что я истекла кровью, пока пыталась его от себя оторвать, и только сейчас мои раны начинают затягиваться...когда он рядом.

– А Тая? Есть последствия?

– Нет. Все хорошо, я думаю. Я ее еще пару дней подержу, и можешь забирать домой. Она полностью в себя пришла. Пуля ничего не задела, застряла в мякоти. Очень повезло.

В этот момент я позволила себе провалиться в сон. Я ждала именно этого – узнать, что все получилось, и наша принцесса жива.

Потом приехал Яша. Он вошел в мою комнату посреди ночи...я затаилась, ожидая, что он скажет отцу, но разговор не состоялся. Или состоялся, но так, что я его даже не слышала. Максим молча вышел, а сын сел у моей постели и прижался губами к моему виску. А мне так хотелось, чтобы они здесь были оба...но сейчас это невозможно. Яша не готов принять Максима. Пока не готов. А я слишком слаба, чтобы попытаться это исправить в данную минуту.

– Я хотел убедиться, что у тебя все хорошо, мама, – выдержал паузу, – и, да, тебе хорошо. Когда он рядом. Я это чувствую. Жаль только, что ненадолго. И жаль, что ты этого не понимаешь.

В нем говорила боль и обида за меня, за всех нас. После того, как Максима не было, Яша очень сильно от него отдалился, и сейчас уже не имело значение, что Макс этого не помнил. Им придется еще долго работать над своими отношениями. Я снова погрузилась в сон в этот раз рядом с сыном, пока он перебирал мои волосы и своей лаской и заботой забирал себе мою боль, слабость, тревогу. Он всегда это делал, если чувствовал хотя бы малейшую перемену в моем настроении.

Полностью в себя я пришла уже на утро. И все эти часы я ЕГО чувствовала рядом, слышала и даже начала видеть, когда удавалось приоткрыть глаза. Сидит у стены на полу, запрокинув голову, а я хочу позвать и не могу. Пока сил не хватает. Но от его присутствия тело согревается все больше и больше, и я уже могу шевелить кончиками пальцев, боль в голове отходит на второй план. Это были те самые дни, когда оттаивало не только мое тело, но и душа. Очень медленно, мучительно. Потому что он не казался мне больше похожим на себя...это просто он и все. Без «до» и «после». Без сравнений. Наверное, впервые я не сравнивала, а принимала его присутствие рядом.

Максим почувствовал мой взгляд, тут же рывком встал и ко мне, вглядываясь в мое лицо и я закричать хочу от того, что вижу, как он смертельно устал за эти часы, как осунулся, под глазами черные круги, и взгляд затянут поволокой. Не ел. Он не ел все это время. Из-за нас с Таем?

Ладонь мою к щеке прижал и глаза закрыл. Чувствую осторожное прикосновение. Очень осторожное, кончиками пальцев.

– Малыш, как ты? С ума сходил...

А у меня сил нет ответить, только в глаза смотреть и чувствовать, как свои наполняются слезами, дернуть рукой в попытке сжать его пальцы, а он тут же ее обратно положил и одеялом прикрыл.

– Не трогаю...не волнуйся.

Дверь осторожно приоткрылась, и я Таю увидела. Она тут же к отцу в объятия бросилась, и он сильно к себе ее прижал, целуя макушку. Эти порывы сыграть невозможно. Они инстинктивны. И в изнеможении беззвучно застонать, потому что сердце забилося чаще. Видеть его любовь к детям. Безграничную и абсолютную. Вне времени, памяти и осознания самого себя. Наша с ним бесконечность, воплотившаяся в едином целом трижды.

– Зачем встала? Фаина разрешила? – а сам по волосам ее гладит, и я кожей чувствую, как наслаждается прикосновениями к ее волосам, его накрывает любовью, и меня вместе с ним... Его к ней, а меня к нему.

– Нет. Я сбежала к тебе с мамой. Как она?

Ками подошла к моей кровати и села на краешек. Глядя мне в глаза и ища мою руку под одеялом.

– Да, ей лучше. Я вижу, что лучше. Чувствую. Когда мы домой нас заберем?

– Через пару дней. Наверное, она поедет к Фаине, не к нам домой. – спокойно и уверенно... а у меня этой уверенности нет уже. Она осталась где-то в позавчера.

Тая тут же ко мне обернулась... а Максим в этот момент вышел в коридор. Скорей всего ушел курить.

– Нет. Мам, нет. Не бросай его сейчас. Поехали домой. Я прошу тебя. Ты нужна ему. Ты так ему нужна. Я чувствую, ты даже не представляешь, как я это чувствую.

Я бы хотела чувствовать, как и она. Ее уверенность в нем абсолютную. А у меня она зыбкая и хрупкая как хрусталь. Очень тонкий. Один удар и рассыплется в прах. Но ведь появилась, впервые зародилась из пепла!

Максим ушел следующим утром, когда нам обоим стало лучше. Я смогла приподняться на кровати. Но он сутки так и просидел в моей комнате, не двигаясь и не сводя с меня тяжелого задумчивого взгляда. Я смотрела на него сквозь ресницы и засыпала. До боли захотелось склонить голову к нему на грудь и засыпать в его объятиях. Нет, не как когда-то... а узнать, что это означает именно сейчас.

Он больше не подходил к моей кровати. Держал расстояние. А мне хотелось позвать, и я не могла. Словно сдерживало что-то. Словно мешало мне. Проклятая неуверенность. Какая-то невидимая стена из того самого льда. Уже прозрачная, но все еще не рухнувшая. Сама не поняла, что жду, когда вернется в комнату, но Максим больше не вернулся. Я слышала его голос в коридоре, когда он говорил с Фаиной. Последующие дни я и Тая быстро шли на поправку. Уже через день меня отпустило полностью. Иногда слегка немели кончики пальцев, но в целом я полностью вернулась в свое прежнее состояние. Фаина сказала, что у меня было сильное истощение, упал гемоглобин.

Когда я оделась и была готова покинуть клинику, она снова позвала меня к себе. Промотрела все анализы, не торопясь озвучить их мне, а, скорее, с удовлетворением на лице. Потом все же подняла на меня взгляд и, кажется, посмотрела прямо в душу.

– Я, конечно, готова тебя принимать у себя сколько угодно, но... но я считаю, что ты должна ехать домой.

Без нажима, но с твердой уверенностью в своей правоте.

– Я тоже так считаю. Детям будет лучше рядом с Максимом и мне спокойней. Он сможет их защитить, и Стефан был прав – сейчас не лучшее время для разлада в семье. Черт бы его побрал, но он всегда прав! Надо было прислушаться к нему.

– Значит, домой?

– Да. Поедем домой. Марик уже извел меня этим вопросом, – усмехнулась, видя, что она хочет услышать другое. Но я пока не могла произнести этого вслух.

– Только поэтому домой?

– Да. Только поэтому.

Максим ждал нас внизу, когда машина свернула к нашему особняку, я внутренне напряглась, потому что он даже не спросил, куда меня отвезти. Опять принимает все решения за меня... или подумал, что я приняла его угрозу. Но, возможно, это Фаина ему успела сказать. И опять усмехнулась про себя – искать ему оправдания стало привычкой по жизни. Только из головы не выходило, как сидел у меня сутками, как пальцы мои сжимал и целовал каждый из них. Может, мне это приснилось? Может, я в беспамятстве себе это представляла? И спросить

не у кого. Помню только тот день, когда на подушках привстал, он увидел и тут же резко вскочил с пола и вышел из комнаты привести Фаину. Больше не приходил.

Все изменилось. Сильно изменилось. Настолько что, наверное, дома у Фаины я ощущала его присутствие больше, чем в нашем собственном. Максим не пересекался со мной нигде и никак. Его просто не было. Он приезжал и тут же уезжал. Конечно, я подозревала, что сейчас все силы брошены на розыск наемников, которые совершили покушение на наших детей. Уже выяснилось, что это были спецслужбы. Стефан выслал мне все отчеты на электронную почту, и я изучила мнение наших людей насчет нападения. Пока что расследование топталось на месте. Но я не сомневалась, что мой муж найдет их всех. Найдет, и они пожелают гореть в пекле, чем узнать, что такое гнев Максима Воронова за то, что посмели тронуть его семью.

Еще через день я уже сама приехала в офис. Максима не было на месте, а я почувствовала облегчение, что вырвалась из четырёх стен, в которых словно заперла сама себя.

А здесь...здесь почему-то почувствовала легкое разочарование – ведь я приехала чтоб увидеть его. И бессмысленно себе лгать, что это ради фонда – в фонде как раз все хорошо, и лишь недавно прошла презентация нового проекта, а следующий, по благотворительным концертам рок-музыкантов, мы собирались осуществить лишь через несколько месяцев.

Я пробыла там до самого вечера, а когда вернулась домой, оказалось, что Максим уже давно там. Играет с Мариком. Яша снова уехал. Как только увидел, что я полностью восстановилась и Тая совершенно здорова. Удерживать его сейчас было равносильно тому, чтобы удерживать стихию. Нам всем нужно время, и, оказывается, моему старшему сыну оно так же необходимо, как и мне.

Именно в тот день я поняла, что Максим меня избегает. Точнее, нет, это слово вряд ли можно применить к нему. Он просто держит дистанцию. Ту самую. Которую я просила. А еще молчание. Оно повисло между нами на недели. Ни слова. Ни одного. Иногда хочется окликнуть, когда вижу с веранды с Таей верхом, или позвать обоих в дом и что-то комом в горле стоит – не могу. Кажется, если увижу в его глазах холод, с ума сойду. Так легче. Вот с этой дистанцией...наверное.

Ни черта не легче! Как два чужих человека под одной крышей и напряжение в воздухе раскаляется с каждым днем все сильнее. Приемы, приезды гостей. Вижу, как он выходит к ним, улыбается партнерам, общается с отцом, с Изгоем, с Глебом, а меня нет. Я отсутствую для него. Только иногда ловлю на себе взгляды тяжелые. Настолько тяжелые, что дыхание перехватывает. Но прочесть не могу. А мне до боли нужно их читать опять. Все меняется внутри меня с каждым днем. Оттаивает. Когда наблюдаю за ним с детьми, или как в кабинете сидит, щелкая длинными пальцами по клавиатуре, и виски потягивает... а в пепельнице сигара дымится. Хочется подойти сзади и уткнуться лицом ему в голову, вдыхая его запах. Провести ладонями по плечам и за ворот рубашки, спуститься к груди...так, чтоб голову поднял и к себе резко наклонил, впиваясь в губы, а потом усаживая на колени. Стало трудно дышать и обожгло руки жадой прикосновения. Обернулся, а я вздрогнула, когда взглядом с ним встретилась. В глазах немой вопрос, а потом то же разочарование, что сжирало меня все эти месяцы. Тишина. Только часы тикают на стене. Долго в глаза смотрел, так долго, что у меня по телу мурашки поползли, а он виски хлебнул и отвернулся к монитору, не сказав ни слова. И я ушла к себе. Так странно... я почти не вспоминала то, что было давно... я вспоминала наши с ним последние дни. Вспоминала, как вот так заходила к нему в кабинет, и мы что-то вместе смотрели или он работал, а я у него на коленях ерзала, мешая отвечать на письма. Что я чувствовала тогда? Сравнивала ли? Нет. Я наслаждалась его близостью. Сравнения приходили лишь с сомнениями...когда я спрашивала у себя, надолго ли это? Спрашивала, как скоро я ему надоем...спрашивала любит ли он меня...и всегда получала отрицательный ответ.

После того, как из больницы вернулась много спала. Сил набиралась. А сегодня, едва глаза закрыла, почувствовала, как по ногам ладони скользят...и тело дернулось в предвкуше-

нии, запылало в ответ. Сильные пальцы сжимают колени, разводя в стороны, и мое дыхание учащается, срывается, и все тело выгибается навстречу ласке. Я даже губы горячие чувствую на внутренней стороне бедер и дыхание его раскаленное. Раскрываюсь навстречу, начиная пульсировать от сумасшедшей жажды. Во сне я больше не хочу его отталкивать. Во сне я зверски изголодалась по нему и тяну к себе за ворот рубашки, ища его губы, чувствуя, как навис надо мной, как пальцы раздвигают плоть и резко входят внутрь, заставляя выдохнуть с гортанным стоном и тут же вскочить на постели, тяжело дыша. Я в комнате одна. Только шторка у открытого окна слегка от ветра колыхнется. Прижала руки к груди...одеяло на пол сброшено, и сорочка прозрачная с плеч сползла. Ночная прохлада скользит по груди...касается возбужденных сосков. Голод по нему...он начинает пробуждаться. Самый страшный и безжалостный монстр, который лишь окреп в последние месяцы, вместе с зависимостью от его прикосновений. Я ведь думала, что справлюсь...справлюсь, если трогать не будет, если в игры играть перестанет и соблазнять так, как умеет только он. Наивная. А точнее, самоуверенная дура. Нееет. Это не он меня соблазнял. Это я его хотела до безумия, и чтобы оправдать эту страсть, считала, что Максим ведет грязную игру.

Глава 2

Утром проснулась от того, что его машина от дома отъехала. Проводила взглядом автомобиль и снова нырнула в постель. Чем больше он держал эту дистанцию, тем горячее становилось внутри меня. Я не знаю, насколько можно втянуться в это безумие, когда чем дальше он, тем сильнее меня влечет к нему. Чем меньше он похож на самого себя, тем страшнее эта тяга.

Меняется внешне, а меня каждая перемена сводит с ума. Волосы остриг и щетину сбрил. Младше кажется. Словно намеренно свой прежний образ стирает, отрицая любую возможность вернуть того Максима. И я, вместе с яростью внутри, ощущаю, что уже и не помню, каким был раньше. Меня до животного безумия доводит такой, как сейчас, с этими короткими выщипанными волосами и гладкими скулами, к которым в исступлении хочется прижаться губами. Он даже не понимает, насколько похож на того Максима, которого я встретила много лет назад впервые, в рваных джинсах и свитере на голое тело, с шевелюрой непослушной и дьявольским взглядом, и это доводит до изнеможения. Он больше не раздваивается у меня в глазах, а затмевает собой прошлое, вытесняет совершенно до какой-то незначительности.

И взгляды...они меня доводили до сумасшествия. Потому что я их ловила на себе везде. Если он рядом, то я непременно чувствовала эту пламенную паутину на своем теле, прожигаящую насквозь. Обращивалась, но Максим невозмутимо говорил с партнерами, либо с гостями. И мне начало казаться, что я просто схожу с ума от голода по нему. Что это предательское тело изголодалось и толкает меня в самую бездну. Вынуждает с ума сходить. На последнем приеме нам пришлось сидеть за одним столом. Плечо к плечу. Как же я завидовала его спокойствию, голосу уверенному, сильному. А меня рядом с ним то в жар, то в холод швыряет. Особенно когда смотрю на его пальцы и вспоминаю свои проклятые сны, от которых спать спокойно не могу. Сны, в которых он меня этими руками с ума сводит и ни разу не до конца...Только вскакиваю на постели, рвано дыша и чувствуя взмокшие простыни под собой и болезненное покалывание во всем теле. Мысленно проклиная себя за наваждение. Когда случайно тыльной стороной ладони коснулась, током прострелило так сильно, что вздрогнула, и он наконец-то ко мне повернулся. Взгляд сумасшедший...его коронный, невыносимый взгляд, которым он не просто нагло под одежду проникает, а уже имеет прямо здесь рядом с гостями. Опустил глаза на свою руку, на которую я смотрю, тяжело дыша, и снова мне в глаза, чуть прищурившись и медленно на губы, на шею, вниз к вырезу ярко-алого платья. Да, я сняла черное. И даже не помню, когда именно. Наверное, сразу по возвращению из клиники. Я просто забыла, что надевала его. А он запомнил, потому что тихо сказал:

– Ты разве не в трауре? – с ядовитым сарказмом, присущим лишь ему. Так чтоб взвилась от поддевки.

И взгляд не отводит, нагло, прямо в глаза. Ответ так и не получил, усмехнулся с какой-то отравленной горечью и снова на партнеров смотрит. А я на него. Открывая для себя черту за чертой. Все заново. Даже не понимая, что зависла...что не слышу голосов рядом с собой, что вспоминаю сны свои дикие и сильнее сжимаю колени, следя за кончиком его языка, быстро пробежавшимся по губам, за пальцами, достающими сигару и прокручивающими ее между большим и указательным. О Боже... а у меня в голове картинками эта сигара и что он с ней делал... с ней и с моим телом. Скулы свело и перед глазами все поплыло, словно почувствовала прикосновение горячего пепла к воспаленной коже.

Встала из-за стола и ушла к себе, чтобы успокоиться. Умылась ледяной водой, глядя на свое отражение – в собственных глазах сумасшествие и пьяная поволока. Я невольно обвела гостей взглядом, отыскивая Максима, чувствуя, что хочу посмотреть ему в лицо.

Но его нет среди них. Ушел.

Собралась тут же уйти, сославшись на недомогание, но меня подхватили под локоть, едва я вышла из залы, и я услышала голос своего мужа над самым ухом.

– Ты сейчас выйдешь со мной туда и будешь танцевать. Никто и никуда сегодня не сбежит. Не дожидаясь моего ответа, повел вглубь залы и властно привлек к себе.

Рука в руке, под маской лица,
Вдвоем над пропастью скользят,
Рискуя с каждым "па" разбиться...
Танцуя, в пламени горят.
В Его зрачках Её глаза...
Ведет, слегка толкая к краю,
Но лишь оступится она,
Удержит, рук не разжимая...

Я успела забыть, насколько мой муж умеет создавать иллюзию, что я единственная женщина в радиусе километров. Забыла или даже не знала. Потому что сейчас он просто заставил смотреть себе в глаза. Именно заставил. Я не сразу это осознала, а лишь тогда, когда попыталась отвести взгляд и не вышло.

Проникает в меня сильными волнами, впиваясь в сознание и удерживая его, как в тисках, в ту же секунду сжимая сильнее ладонями за талию и руку. Движения резкие, хаотичные. Ведет, не дает даже по сторонам смотреть, выгибая назад и к себе, так, что мои волосы его по лицу хлещут. Стирает эту толпу вокруг нас, заглушает их голоса своим тяжелым дыханием и нашим сердцебиением, набирая в танце скорость запредельную. И...я понимаю, что инстинктивно иду за ним. Он не может помнить, что уже не раз танцевал со мной, что сам учил каждого па...но наши тела помнят, и мое слушается его рук, потому что только их слушаться и умеет. Злой танец. Голая страсть. Убийственные прикосновения рук и обжигающий взгляд. Синее-синее безумие с моим отражением на дне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.